

УДК 94(47).084.2

ББК 63.3(2)61

**Социально-политическое движение
в центральноазиатских окраинах Российской
империи накануне революций 1917 г.****Ю.А. Лысенко*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Socio-Political Movement in the Russian Central Asia
Outskirts on the Eve of the Russian Revolution of 1917***Yu. A. Lysenko*

Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлен анализ общественно-политического движения в начале XX в. в двух административно-территориальных единицах центральноазиатских окраин России — Степном крае и Туркестане. Процесс модернизации данного региона сопровождался его интеграцией в общеимперское политическое пространство. Поэтому население региона принимало участие в событиях революции 1905–1907 гг., формировании партийной системы страны, избирательных кампаниях в Государственную думу. Подчеркивается, что общественно-политическое движение в исследуемом регионе было представлено организациями и филиалами российских партий, выражавших интересы различных социальных групп населения Степного края и Туркестана.

Своеобразием этого движения стало присутствие в нем народно-освободительной борьбы коренных этносов. Ее целью стало решение целого спектра проблем, которые были порождены имперской колониальной политикой. Автор статьи приходит к выводу о том, что более позднее включение Туркестана в процессы интеграции в общеимперское пространство и более позднее его открытие для крестьянского переселения, чем Степного края, определили разновекторность развития национально-освободительного движения их народов. Так, в Степном крае роль лидера и защитника интересов казахского населения взяла на себя национальная интеллигенция. Она была интегрирована в общероссийское партийное движение и выступала на платформе партии кадетов. В Туркестане, в условиях господства традиционных социальных отношений, наибольшее влияние на общественно-политическую жизнь населения региона в начале XX в. продолжал оказывать ислам. Поэтому оформление национально-освободительного движения здесь осуществлялось

The article presents an analysis of the development of social and political movements in the two administrative-territorial units of the Russian Central Asia border regions — the Steppes and Turkestan. The process of modernization in the region at the turn of the 19th and 20th centuries coincided with its integration into the empire-wide political space. Therefore, the population of the region took part in the events of the Revolution of 1905–1907, state party system formation and the election campaign to the State Duma. The article stresses that the socio-political movement in the region was represented by organizations and branches of Russian parties, expressing the interests of different social groups of the Steppes and Turkestan.

The peculiarity of this movement was the presence of the national-liberation struggle of the indigenous ethnic groups. Its purpose was to address a range of problems that were generated by the imperial colonial policy. The author comes to the conclusion that late inclusion of Turkestan in the integration processes in the empire-wide space, and its late discovery for the peasant resettlement than in the Steppes defined multi-vector development of the national liberation movement there. Thus, in the steppe region it was the national intelligentsia that took the leading role defending the interests of the Kazakh population. It slowly integrated into the all-Russian party movement and appeared on the platform of the Russian Constitutional Democratic (Kadet) Party. However, in Turkestan, with traditional social relations dominating, Islam still had the greatest impact on the socio-political life of the regional population in the early twentieth century. Therefore, the national liberation movement there was initially based on pan-Islamism ideas and its main goal was the formation of the Islamic political wing.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

на основе идей панисламизма. Его содержанием стало формирование партий исламского толка.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, ислам, Государственная дума, национальный вопрос, интеллигенция.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-17

В течение второй половины XIX — начала XX в. центральноазиатские окраины Российской империи были включены в процесс модернизации. Можно утверждать, что реформирование традиционных социально-экономических и политических отношений в этом регионе приняло специфические формы. С одной стороны, модернизация сопровождалась интеграцией региона в политико-правовое и социально-экономическое пространство. С другой стороны, она не подорвала господствующую здесь систему традиционных социальных отношений и ценностей, а лишь заставила ее уйти с поверхности. Поэтому результатом усилий, предпринятых имперским центром, стал синтез модернистских тенденций и традиционных установок. Так, в процессе экономической модернизации второй половины XIX — начала XX в. в регионе развивались лишь те отрасли экономики, которые не создавали конкуренции для фабрично-заводской промышленности европейской части страны. В силу этих особенностей формирование местной буржуазии и рабочего класса, классовая дифференциация крестьянства, социальная мобильность коренного населения проходили более замедленными темпами. В системе политического управления в дореволюционной Центральной Азии сохранились многие формы местного самоуправления и судопроизводства. Статус местного населения значительно отличался от положения жителей других национальных окраин России [1].

Интересным в этой связи представляется анализ общественно-политической ситуации в центральноазиатских окраинах в начале XX в., который позволяет выявить расклад политических сил в регионе накануне революционных потрясений 1917 г. и определить степень и формы интеграции коренных народов в общественно-политическое движение России.

Включенность Степного края и Туркестана в политическое пространство Российской империи сделала закономерным участие народов региона во внутривосточных процессах, имевших место в России в начале XX в. Революционные события 1905–1907 гг., развитие парламентаризма, формирование партийной системы не оставили безучастным население центральноазиатских окраин страны.

Одними из первых в Степном крае и Туркестане проявили себя организации и группы социал-демократического толка. Значительное влияние на их раз-

Key words: Russian Empire, the Steppes, Turkestan, Islam, the State Duma, the national question, the intelligentsia.

витие в регионе оказывали политические ссыльные. По далеко не полным данным, только в Туркестане в 1903–1906 гг. состояло под надзором полиции 377 политических ссыльных, наибольшее количество которых относилось к социал-демократическому движению [2, с. 55–56]. По их инициативе на рубеже XIX — XX в. в крупных промышленных центрах региона были созданы первые марксистские кружки, которые в годы Первой русской революции трансформировались в группы и организации Российской социал-демократической рабочей партии [3; 4, с. 34–35].

Вторым важным фактором развития идей социал-демократии в центральноазиатских окраинах стала их территориальная близость к закаспийскому, южно-уральскому и сибирскому комитетам РСДРП. Так, для Степного генерал-губернаторства особое значение имел «Сибирский социал-демократический союз», возникший в 1904 г. и его Омский филиал. Под его руководством осуществлялась широкая пропагандистская работа среди рабочих северных и северо-восточных районов края и были созданы социал-демократические организации в Петропавловске, Кокчетаве, Актюбинске, Акмолинске, Семипалатинске.

В Туркестанском генерал-губернаторстве большую роль в пропаганде марксизма и появлении первых социал-демократических организаций сыграл Бакинский большевистский комитет РСДРП, имевший крупнейшую в России нелегальную типографию и опытные кадры революционеров-подпольщиков. С помощью бакинских революционеров в 1904 г. была создана социал-демократическая группа в Асхабаде, а годом спустя — Кызыларватская организация РСДРП [2, с. 58–89]. В период Первой русской революции — в феврале 1906 г. — состоялась первая Туркестанская конференция РСДРП, в работе которой приняли участие шесть организаций: Ташкентская, Самаркандская, Новомаргеланская, Асхабадская, Кызыларватская, Чарджуйская. На конференции было принято решение о создании «Союза Туркестанских организаций РСДРП». Задачей его деятельности провозглашалось «ниспровержение существующего в государстве общественного строя с тем, чтобы заменить таковой строем социалистическим». Появление «Союза Туркестанских организаций РСДРП» свидетельствовало о доста-

точно высокой степени консолидации социал-демократических сил региона и популярности их идей среди местных рабочих кадров. Об этом же свидетельствовали их попытки взять на себя руководство рабочим движением в Туркестане в годы революции 1905–1907 гг. [5, с. 21]. Всего на территории края в период Первой русской революции действовало 15 организаций и пять кружков РСДРП. В Степном крае в эти годы численность социал-демократов составляла около 500 человек [6, с. 49–50].

Социальную базу социал-демократического движения в центральноазиатских окраинах, как правило, составляли рабочие железнодорожных линий и депо Оренбургско-Ташкентской и Транссибирской магистралей. Именно в этом секторе экономики края в начале XX в. было сконцентрировано наибольшее количество рабочих. Так, например, в Петропавловской организации РСДРП состояло 147 человек, в Уральской — 150 человек. Кроме этого, социал-демократическими организациями была широко налажена пропагандистская работа среди солдат Туркестанского военного округа.

Исследователи советского периода, детально изучавшие развитие социал-демократии в Туркестане, неоднократно подчеркивали, что местные группы РСДРП вели усиленную пропаганду среди коренных этносов региона. В своих листовках и прокламациях они всегда обращались ко всем национальностям региона. В период работы Первой Туркестанской конференции РСДРП в феврале 1906 г. ее участники призывали усилить пропагандистскую работу среди трудящихся коренных национальностей, подчеркивая, что в условиях Туркестана «национальный вопрос» имеет исключительное значение [7, с. 331].

Однако следует отметить, что, несмотря на все предпринимаемые усилия в данном направлении, результат работы социал-демократов среди рабочих коренных этносов центральноазиатских окраин оказался минимальным. В историографии советского периода приводятся единичные факты участия узбеков, таджиков и казахов — рабочих промышленных предприятий в забастовках и стачках в период Первой русской революции. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, коренные этносы Степного края и Туркестана даже в начале XX в. были слабо интегрированы в процесс экономической модернизации, демонстрируя крайне низкие темпы социальной мобильности и отдавая предпочтение традиционной системе социально-хозяйственных связей и ценностей. В системе разделения труда доля рабочих кадров от общей численности коренных народов региона была незначительной. Во-вторых, в сознании тех из них, кто был занят в промышленном производстве, господствовали традиционные этнорелигиозные установки. В-третьих, препятствием на пути широкого внедрения идей социал-демо-

кратии в сознание коренных этносов препятствовал языковой барьер. Русский язык был крайне слабо распространен и еще не выступал в роли языка модернизации, языка межнационального общения. Поэтому с полным основанием можно говорить о слабом политическом влиянии идей социал-демократии на народы центральноазиатских окраин России.

Наряду с социал-демократами в Степном крае в начале XX в. появились партийные ячейки социалистов-революционеров. В связи с отсутствием в регионе помещичьего землевладения и, как результат, слабой восприимчивости крестьянских масс к эсеровским идеям «социализации земли» сферой деятельности представителей этой немарксистской социалистической партии в Степных областях стали в основном городские слои населения, в частности демократическая интеллигенция, учащаяся молодежь, некоторые слои рабочих и т. п. В русле эсеровских идей о буржуазных преобразованиях в аграрном секторе экономики широкую поддержку казахского населения они могли бы получить, акцентируя внимание на проблеме крестьянского переселения в Степной край и землеустройстве кочевников. Однако эсеры никогда не рассматривали коренное население центральноазиатских окраин России как сферу своего партийного влияния, считая его «политически незрелым».

События Первой русской революции активизировали деятельность эсеров Степном крае. Так, осенью 1905 г. их первая партийная группа была зафиксирована в Омске. В ходе революции она трансформировалась в Комитет и стала насчитывать в своих рядах около 100 человек. Небольшие организации партии эсеров в период 1905–1907 гг. функционировали в городах северного и северо-восточного регионов Степного края, территориально тяготевших к Омску: Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Петропавловске, Павлодаре. Их численность не превышала 40 человек [8, л. 3–4].

Основными направлениями деятельности эсеров в Степном крае стал выпуск нелегальных изданий, организация выступлений рабочих, поддержка кампании по бойкоту I Государственной думы. Однако их роль в политической жизни региона оставалась слабой. По сведениям Департамента полиции МВД в период 1907–1911 гг. с небольшими перерывами их работа проявляла себя только в Омске. Ликвидация омской группы партии социалистов-революционеров в марте-апреле 1911 г. привела к тому, что местные социалисты-революционеры практически свернули свою деятельность в Степном крае [9, с. 29].

Либерально-оппозиционное движение в Степном крае было представлено двумя политическими силами: отделами партии «Союз 17 октября» и конституционными демократами. Отдел партии «Союз 17 октября» не смог консолидироваться и организационно оформиться даже в период революционного подъема 1905–1907 гг. Это объяснялось от-

сутствием в регионе широкой социальной базы для буржуазного движения: только начавшаяся экономическая модернизация сопровождалась периодом «первоначального накопления». Поэтому местная буржуазия, в том числе национальная, не была консолидирована и крайне индифферентно относилась к участию в социально-политическом движении. Не имея сформированного электората, октябристы Омска и Петропавловска не сумели добиться сколько-нибудь существенных успехов в период избирательных кампаний в Государственную думу первого и второго созывов. В последующие годы члены этой партии в Степных областях фактически ни в чем себя не проявляли [9, с. 29].

Конституционные демократы в Степном крае сделали ставку на буржуазную интеллигенцию, чиновников и торговых служащих. Это позволило им привлечь на свою сторону значительные силы и создать в период Первой русской революции ряд отделов партии в крупных промышленных центрах края — Омске, Семипалатинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске. Местные кадеты, следуя общепартийной платформе, выступали за поэтапную трансформацию политической и экономической системы в государстве на основе синтеза буржуазных идей и некоторых атрибутов феодальной эпохи. Конечным итогом эволюционного реформирования, по их мнению, должна была стать конституционная монархия. В 1906–1907 гг. кадеты Степного края развернули широкую пропагандистскую кампанию по разъяснению программных установок своей партии, принимали активное участие в думских избирательных кампаниях. Активная социально-политическая позиция местных ячеек партии, актуальные и доступные для восприятия лозунги сделали ее очень популярной среди значительной части населения Степного края.

Не случайно поэтому к кадетам примкнули и представители казахской национальной интеллигенции, считавшие программу этой партии наиболее приемлемой для эволюционного пути развития казахского общества. Распространение европейского образования в среде казахской элиты, а также усвоение ею образчиков европейской культуры содействовали усилению социально-политического брожения в умах национальной интеллигенции. Огромное влияние на этот процесс также оказала татарская буржуазно-демократическая мысль и ее центральная идея тюркско-мусульманской автономии всех народов Российской империи как средства защиты «духовного своеобразия территориальными границами» [10, с. 129]. На начальном этапе освободительного движения в идеологии казахского национализма преобладала тенденция к интеграции в общероссийское мусульманское движение. Позднее произошла ее трансформация в идею создания тюркско-мусульманской автономии туркестанских народов России.

В декабре 1905 г. в Уральске по инициативе казахской интеллигенции состоялся съезд делегатов пяти областей Степного края, на котором была принята попытка создания национальной партии — филиала конституционно-демократической партии России. В феврале 1906 г. в Семипалатинске на втором съезде казахов было инициировано организационное оформление партии «Алаш», завершившееся позже, в 1917 г. На съезде также к общим положениям программы кадетов были дополнительно включены требования о прекращении переселения в Степной край крестьян, признании всех земель региона собственностью коренного населения, открытии национальных школ, развитии национальной культуры и предоставлении мусульманам края свободы вероисповедания. Вполне очевидно, что в рамках борьбы за демократические свободы, отстаиваемые кадетами, лидеры национальной казахской интеллигенции планировали решать национальные интересы, став общей частью единого российского либерально-демократического движения [11, с. 616].

Практическая деятельность национальной казахской интеллигенции в межреволюционные 1907–1917 гг. носила легальный характер и была направлена на массовую пропаганду либеральных политических идей, главным образом, через периодическую печать. Именно эти годы стали периодом формирования национальной периодики. Особой популярностью среди коренного населения Степного края пользовалась газета, издававшаяся на казахском языке: «Айкап» и «Казах».

Консервативное направление общественно-политического движения в Степном крае было представлено черносотенными организациями. Наиболее активную роль в их создании сыграло духовенство Омской епархии, возглавляемое епископом Омским и Семипалатинским Гавриилом. По его настоянию священнослужители епархии были обязаны вступать в монархическую организацию. Организационно черносотенцы оформились в годы Первой русской революции. Так, в Семипалатинске действовало отделение черносотенной «Партии упорядочения производства», а в Омске в сентябре 1908 г. начал функционировать отдел Русского народного союза имени Архангела Михаила [9, с. 31].

Идеологической основой местных черносотенных организаций оставалась официальная государственная доктрина, выраженная известной формулой «православие, самодержавие и народность». Данная теория, призванная защитить основы существующего в государстве политического строя, отвергала возможность широких преобразований и возможность установления конституционного режима в стране. Газета «Голос Сибири», которая являлась печатным органом Омского отдела Союза Михаила Архангела, в 1910 г. в номере от 3 марта категорически заявляла: «Невозможность конститу-

ционного строя в России доказывается всем ходом русской истории. Нельзя создать имперский парламент для 250 миллионов и 25 народностей. Разделение власти по самой ее сущности невозможно».

Выступая в защиту частной собственности, в том числе помещичьей, черносотенцы в Степном крае поддерживали политику министра внутренних дел А.П. Столыпина на разрушение общины, считая при этом целесообразной передачу крестьянам в собственность наделной земли, которой они обладали на правах постоянного пользования. Вполне поэтому закономерно, что черносотенцы приветствовали развитие переселенческого движения в Степной край и считали закономерным и оправданным массовое изъятие земельных ресурсов у казахского населения для регулирования «чересчур широкого землепользования кочевников».

Очевидна непопулярность программных установок черносотенных организаций Степного края среди населения региона, особенно коренного. Не нашли широкой социальной поддержки их идеи и по причине отсутствия в степных областях класса помещиков. Рабочему вопросу они не уделяли большого внимания, находя его для окраин страны неактуальными. Ярко выраженные националистические лозунги черносотенных организаций Степного края отталкивали от них либерально настроенные мелкобуржуазные элементы и представителей национальной интеллигенции.

Параллельно с формированием организаций и групп российских партий в годы Первой русской революции в Степном крае и Туркестане получило развитие профсоюзное, рабочее и аграрное движение. В этот период в регионе возникло и оформилось 25–30 профессиональных организаций, объединяющих примерно 3,5% от общей численности рабочих. Эти данные, по мнению исследователей, свидетельствовали о слабости рабочего движения, что было обусловлено незавершенностью процесса экономической модернизации региона и, как следствие, малочисленностью местных рабочих, их низкой концентрацией по предприятиям и сезонностью производственной деятельности [11, с. 616]. Рабочее движение в 1905–1907 гг. было представлено массовыми акциями протеста. Стачки и забастовки проходили фактически на всех крупных промышленных объектах Степного края и Туркестана: в железнодорожных мастерских Закаспийской и Оренбургско-Ташкентской магистралей, на Спасском медеплавильном заводе, Карагандинских и Экибастузских угольных копях, крупных нефтяных промыслах на острове Челекен у Красноводска, принадлежавших бакинским нефтяным фирмам «Нобель», «Вишау» и др. [2, с. 53; 12, с. 208–209].

В аграрное движение в центральноазиатских окраинах в годы Первой русской революции оказались втянутыми как русские крестьяне-переселенцы,

так и коренные этносы. Его причиной стала аграрная политика государства, связанная с массовым переселением, прежде всего в Степной край, русских крестьян из европейских губерний страны. Следствием явился ярко окрашенный межэтнический ресурсный конфликт, поскольку переселение сопровождалось массовой экспроприацией пастбищных угодий у казахского населения для создания Переселенческого земельного фонда и наделения землей русских переселенцев. Крестьяне-переселенцы требовали от правительства улучшения условий переселенческого движения и решения проблемы землеустройства [13, с. 199–201]. Значительно осложняло ситуацию присутствие в регионе Сибирского и Семиреченского казачьих войск, в безвозмездное пользование которых были переданы огромные земельные массивы [14].

Центральные и региональные органы власти признавали тот факт, что массовое изъятие земель у казахского населения является главной причиной роста их недовольства. Либерально настроенные политики и общественные деятели призывали прекратить подобную практику и приостановить крестьянскую миграцию до решения вопроса о поземельном устройстве кочевого населения Степного края. Активно данный вопрос обсуждался на заседаниях Государственной думы [15]. Однако принципиальных решений по нему не было принято. Поэтому межреволюционный период 1907–1917 гг. характеризовался неизменным ростом протестного движения казахского населения. Оно принимало разнообразные формы: начиная от открытых межэтнических русско-казахских столкновений, заканчивая потравами посевов хлеба, сенокосных и пастбищных угодий, угоном скота, отказом выполнять гужевую повинность и платить недоимки, избиванием представителей администрации [16, с. 69–70]. Скотоводы требовали также пересмотра невыгодных условий аренды земли у Сибирского и Семиреченского казачьих войск, а также земель Алтайского горного округа. На волне революционных настроений 1905–1907 гг. среди казахов Степного края зародилась и получила широкий размах так называемая «петиционная кампания». В ходе нее кочевники обращались, как правило, в центральные государственные органы — департаменты и управления МВД, Министерство земледелия и государственных имуществ с просьбами-петициями о решении аграрного вопроса и других социальных проблем [17].

Следует отметить, что аграрное движение казахского населения начала XX в. создавало объективные условия для усиления этноконсолидационных процессов. Ярким свидетельством данного тезиса стало проведение в различных областях края в этот период волостных и уездных съездов казахов, на которых формулировались требования к региональным и центральным органам власти. К их числу следует отнести требования: решить вопрос о землеустройстве

кочевников; сделать доступным начальное школьное образование на родном языке; предоставить свободу в вопросах вероисповедания [18, л. 1 об.]. Кульминационным событием аграрного движения в Степном крае и Туркестане стало народно-освободительное восстание 1916 г., принявшее форму вооруженной борьбы коренного населения за свои права.

Важно подчеркнуть, что протестное движение коренных народов в Степном крае и Туркестане в начале XX в. принимало также религиозную направленность [18, л. 11–14 об.]. В период Первой русской революции у мусульманского населения центральноазиатских окраин произошло осознание своей языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) с мусульманскими народами Российской империи. Поэтому определяющим фактом в развитии религиозно-общественного движения коренных народов Степного края и Туркестана стала их интеграция в общероссийское мусульманское движение [19]. В августе 1905 г. сторонники пробуждения национального самосознания мусульманских народов из Поволжья, Закавказья, Степного края и Туркестана создали Всероссийский мусульманский союз, требовавший «уравнивания своих народов во всех политических, гражданских и религиозных правах». Съезд мусульман, состоявшийся в августе 1906 г., выдвинул план культурно-конфессионального автономного развития тюркских народов в составе Российской империи». Культурно-реформаторская инициатива российских мусульман, предполагавшая радикальный пересмотр всей модели мусульманского общества и ценностей среднеазиатской культуры, получила название «джадидизм» [20, л. 97–113].

Однако в своей эволюции джадидизм вышел из первоначальных культурнических рамок и приобрел ярко выраженную окраску буржуазно-либерального, политического движения и идеологического течения. Социальной базой джадидизма были преимущественно буржуазные слои населения Туркестана и часть узбекской и таджикской интеллигенции. Признавая очевидные объективно позитивные последствия российской колонизации края, представители национальной интеллектуальной элиты, тем не менее, прекрасно понимали, что в условиях политической и экономической зависимости, в которой находились туркестанцы, в их общественном сознании будет стремительно расти чувство национальной ущербности и неполноценности, что самым губительным образом может сказаться на темпах и перспективах развития центральноазиатских народов как современных и самодостаточных наций. Поэтому они высказывались за необходимость ликвидации некоторых традиционных обрядов, стеснительных для нарождающейся буржуазии, за ограниченную реформу ислама и религиозных школ, за приспособление ислама к буржуазному развитию национальных

окраин Российской империи и потребностям национальной буржуазии. Они предлагали пересмотреть традиционную общественно-философскую систему с позиций развития культуры, науки и образования, выступили инициаторами создания новометодных школ со звуковой системой обучения и образовательной программой преподавания, в которую были включены светские дисциплины: история, арифметика, география, родной язык и другие предметы.

Созданная идеология туркестанского джадидизма все-таки не позволила ему приобрести определенную организационную форму вплоть до 1917 г. Поэтому практическая деятельность его представителей была связана с издательством джадидских газет и журналов («Таракки», «Шухрат», «Хуршид», «Садои-Туркистон» в Ташкенте; «Самарканд», «Ойна» в Самарканде; «Турон», «Бухорой-Шариф» в Бухаре; «Садои-Фаргона» в Коканде и др.), созданием в крае новометодных школ, благотворительных обществ, национальных театров и т. п. В межреволюционный период 1907–1917 гг. по инициативе прогрессистов Туркестана создаются первые общественно-политические организации: «Гайрат», «Тараккийпарвар», «Турон» и др. [20].

Следует отметить, что туркестанский джадидизм развивался при активном взаимодействии с татарским, азербайджанским и младотурецким джадидизмом. Религиозные деятели Туркестана вели переписку с лидером мусульманского движения России И. Гаспринским по поводу открытия в г. Верном отделения общества «Таракион-Ислам» («Прогресс мусульман»). В целом представители центральноазиатского джадидизма прилагали огромные усилия для подъема национального и политического самосознания коренных народов Туркестана.

В повышении политического сознания населения Степного края и Туркестана и их интеграции в политическую жизнь страны определенную роль сыграли и выборы в Государственную думу. Поскольку регион занимал достаточно специфическую нишу в социально-правовом и экономическом плане, правительственные круги признали целесообразным разработать отличный от «Общих правил» проект о выборах в Государственную думу для него. Подготовкой проекта закона занялось специальное Совещание под председательством министра внутренних дел Булыгина.

Центральное место дискуссии по законопроекту занимал вопрос о целесообразности предоставления избирательного права коренным народам центральноазиатских окраин. Определенная часть членов Совещания считала их политически и граждански незрелыми и предлагала исключить возможность их участия в выборах. Противоположную позицию занял генерал-губернатор Степного края Н.И. Сухотин, который настаивал на включении коренных этносов в выборную кампанию [21, л. 2]. Он также выска-

зал предложение о ведении выборов на куриальной основе и предоставлении казачьим войскам региона права образовывать отдельные избирательные округа и иметь своего представителя в Государственной думе [22, с. 231].

Особо остро стоял вопрос об участии в выборах русского населения Туркестана. Колонизация края началась недавно, и число русских здесь было незначительным. К тому же они были расселены мелкими поселками на огромных пространствах края. Эти факты объективно затрудняли организацию процедуры выборов и приводили к необходимости ее усложнения. Поэтому первоначально было предложено проводить участие в выборах русского населения совместно с казахским. Позднее Особое совещание посчитало, что такая форма выборов будет нарушать права переселенческого русского населения, так как оно в условиях малочисленности будет фактически отстранено от участия в них. Поэтому в окончательной редакции закона в Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областях избрание депутатов в Государственную думу проходило от выборщиков коренного и русского населения автономно. В Семиреченской области в состав Думы дополнительно избирался депутат от Семиреченского казачьего войска, несмотря на его малочисленность — 35 тыс. человек.

Окончательно разработанный проект о выборах в центральноазиатских окраинах Российской империи был принят Особым совещанием и 23 апреля 1906 г. утвержден Николаем II. Выборы в регионе проходили в сложных условиях, поскольку в связи с ростом революционного движения 1905–1907 гг. он вошел в список местностей, в которых было объявлено военное положение. Постановлениями губернаторов областей официально были запрещены собрания, митинги, что фактически исключало возможность проведения политическим партиями и организациями широких агитационных предвыборных кампаний. Тем не менее наибольший накал эта борьба приобрела в крупных промышленных центрах Степного края и Туркестана — Омске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Ташкенте, Асхабаде. Значительную активность проявили социал-демократы, кадеты, казахская демократическая интеллигенция. В течение октября-ноября 1905 г. наряду с ними в Степном крае в избирательной кампании принимали участие еще несколько политических сил: Союз 17 октября, прогрессивно-экономическая, торгово-промышленная, умеренно-прогрессивная партии. В Уральской области участие в выборах приняла «Трудовая группа» [23, л. 201].

Несмотря на некоторое оживление общественно-политического движения, широкая предвыборная агитация не получила широкого распространения не только в сельской местности, но даже в городах Степного края и Туркестана. Коренное аграрное на-

селение региона оказалось вовлеченным в политические события, связанные с выборами в Государственную думу, еще в меньшей степени, чем городское население. Значительная часть городского населения выборы проигнорировала. Среди причин абсентеизма избирателей исследователи называют «репрессивную политику местной администрации, немногочисленность политических сил в крае» [9, с. 40]. К этому, на наш взгляд, следует добавить господство в сознании населения центральноазиатских окраин империи традиционных установок, исключавших возможность их активного участия в политическом процессе и выборах в Государственную думу.

Тем не менее выборы депутатов от Степного края и Туркестана состоялись в июне 1906 г. Результаты выборов дали значительный перевес демократическим партиям, таким как кадеты, социалисты-демократы, крестьянские представители. Черносотенцы потерпели на выборах поражение [22, с. 235]. Выборы во II Государственную думу проводились на основании избирательных законов от 6 августа и 11 декабря 1905 г., в основе своей носивших дискриминационный характер. В частности по закону избирательного права лишились низкооплачиваемые железнодорожники Степного края и Томской губернии. По итогам выборов в Думу прошло 14 депутатов от региона. В том числе шесть депутатов — от казахского и восемь — от русского населения [24, с. 72–75]. Во II Государственной думе продолжили работу трудовая группа, мусульманская фракция, группа сибирских депутатов, сформированные еще в ходе заседаний I Думы. Депутаты от казахского населения примыкали к кадетам и входили в мусульманскую фракцию. Они выступали за муниципализацию земли и передачу ее в местные (автономные, областные, провинциальные и т. д.) органы самоуправления. В результате разгона II Государственной думы и введения нового избирательного закона от 3 июня 1907 г. своих избирательных прав лишилась большая часть населения Степного и Туркестанского края.

Таким образом, в начале XX в. в Степном крае и Туркестане получило развитие социально-политическое движение. Процесс модернизации данного региона сопровождался его интеграцией в общеимперское политическое пространство. Поэтому население региона принимало участие в событиях революции 1905–1907 гг., формировании партийной системы страны, кампаниях по выборам в Государственную думу. Следует отметить, что территориальная отдаленность региона от политического центра империи, слабые импульсы экономической модернизации, отсутствие ярко выраженной социальной мобильности населения привели к тому, что общественно-политическое движение получило в центральноазиатских окраинах более позднее развитие по сравнению с другими регионами империи. Однако оно развивалось в русле общеимперских тенденций.

Общественно-политическое движение в исследуемом регионе было представлено организациями и филиалами российских партий, выражавших интересы различных социальных групп населения Степного края и Туркестана. Его содержанием стала борьба широких общественных сил за буржуазные преобразования в стране, реформирование политической системы, расширение демократических прав и свобод. Важным фактором политизации и активизации общественного сознания населения региона стали выборы в Государственную думу Российской империи. В то же время незрелость этноконсолидационных процессов в условиях только что начавшейся модернизации традиционных социальных структур и связей не препятствовала активизации в период революционного движения 1905–1907 гг. широких слоев коренного населения.

Своеобразием общественно-политического движения стало присутствие в нем народно-освободительной борьбы коренных этносов. Ее целью стало решение целого спектра проблем, которые были порождены имперской колониальной политикой. Более

позднее включение Туркестана в процессы интеграции в общеимперское пространство и более позднее его открытие для крестьянского переселения, чем Степного края, определили разновекторность развития национально-освободительного движения их народов. Так, в Степном крае роль лидера и защитника интересов казахского населения взяла на себя национальная интеллигенция. Она была интегрирована в общероссийское партийное движение и выступала на платформе партии кадетов. В Туркестане, в условиях господства традиционных социальных отношений, наибольшее влияние на общественно-политическую жизнь населения региона в начале XX в. продолжал оказывать ислам. Поэтому оформление идеологии национально-освободительного движения здесь осуществлялось на основе идей панисламизма и пантюркизма. Его содержанием стало развитие джадидизма — либерального движения в исламе, признававшего необходимость реформирования традиционной системы ценностей и отношений центральноазиатского общества.

Библиографический список.

1. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации. — Барнаул, 2014.
2. Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1985.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). — Ф. 64. — Оп. 1. — Д. 1079.
4. Шафиро Ш. Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане (1905–1907 гг.). — Алма-Ата, 1964.
5. Деева Е.А. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. — Ташкент, 1975.
6. Бурабаев М. Распространение идей марксистско-ленинского учения в дооктябрьском Казахстане. — Алма-Ата, 1965.
7. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. — Ташкент, 1958.
8. ЦГА РК. — Ф. 726. — Оп. 1. — Д. 4.
9. Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX — начале XX в. : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — Омск, 2007.
10. Хабижанова Г., Валиханов Э., Кривков А. Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). — М., 2003.
11. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. — Алматы, 2000.
12. Лунин Б.В. У истоков великой дружбы. — Ташкент, 1972.
13. Тарасова Е.В. Вопрос о нормах киргизского землепользования в политике Российской империи в Степном крае и Туркестане (конец XIX — начало XX в.) // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2012. — № 4/2.
14. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана (1861–1917 гг.). — Алма-Ата, 1967.
15. Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906–1917 гг. (социокультурный подход). — Алматы, 2006.
16. История Казахстана (XVIII — начало XX в.) : Сб. док-тов. — Алматы, 2001. Док. № 106.
17. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации: Документы и извлечение. — Барнаул, 2014. Док. № 83, 93.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 4. — Д. 929.
19. Лысенко Ю.А. Развитие исламского общественного движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2013. — № 4/1.
20. Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. — 2010. — № 9.
21. РГИА. — Ф. 1544. — Оп. 1. — Д. 14.
22. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX — начале XX в. — Алматы, 1996.
23. РГИА. — Ф. 1278. — Оп. 1. — Д. 104.
24. Сулейменов Б.С. Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. — Алма-Ата, 1977.